

Наталья Жилина
Калининград

**Имена героев
в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»:
структура и функции**

Внешняя безыскусная простота пушкинской «Капитанской дочки», как удалось показать многим исследователям, таит в себе огромную глубину и смысловую многозначность. Это особенно очевидно при исследовании сюжетно-композиционных связей, повествовательной и пространственно-временной структуры произведения. Непредвиденные открытия возникают и при анализе характеров персонажей: упрощенность и даже некоторая их структурно-психологическая примитивность (обвинения в которой были свойственны критикам самых разных эпох) неожиданно оборачиваются глубиной и сложностью пушкинского подхода к исследованию человека и мира. При анализе пушкинских изобразительных принципов особое внимание должно быть уделено рассмотрению имени:

Нет сомнения: в литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм,

– утверждал Павел Флоренский¹.

Имена центральных героев романа на первый взгляд выглядят очень простыми и немудреными, однако анализ их структурной организации приводит к противоположным выводам. Имея в своем составе несколько частей (*личное имя + отчество + фамилия*), имя

¹ П. Флоренский, *Свящ. имена. Б.м.*, 1993, с. 28.

в целом образует сложное единство, многоуровневое и многоплановое, семантическое поле которого не исчерпывается простым сложением смысловых значений каждой из частей. Как имя в целом, так и каждый его отдельный компонент оказывается способным вступать, помимо этого, в отношения соответствия / несоответствия с внутренней психологической сущностью носителя, а также его поведением в конкретных ситуациях и, кроме того, его ролью в качестве действующего лица в описываемых событиях.

В личном имени, заключающем в себе потенциально большое количество производных форм, автором художественного произведения всегда выбираются лишь несколько – они-то и образуют определяющий носителя семантический ряд; взаимодействие же этих производных форм между собой приводит к возникновению новых значений, выявлению скрытых смыслов. Каждая конкретная производная форма личного имени, в свою очередь, становится центром некоего круга, вбирающего в себя различные оттенки значений. Так, в имени главного героя романа выделяется ряд *Петруша – Петр – Петр Андреевич*, а в имени центральной героини *Маша – Марья Ивановна*.

Выполняя те же художественные функции, что и личное имя, отчество героя не становится лишь придатком, дополняющим уже заявленное значение: именно отчеством высвечиваются наследственные, «отцовские» черты, «генетически» передающиеся из одного поколения в другое.

Петр Андреевич Гринев. Главный герой произведения, выполняющий к тому же функции повествователя (что очень важно для Пушкина), своего имени-отчества поначалу не оправдывает вовсе (*Петр – камень, Андрей – мужественный*)². В начале событий герой скорее являет собой полную противоположность своему имени. Отданный на воспитание сначала стремянному слуге, «за трезвое поведение пожалованному ... в дядьки», а затем французу, который «в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию», чтобы стать учителем, «не очень понимая значение этого слова», главный герой «на двенадцатом году выучился (...) русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля», а на семнадцатом «жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками»³. Так *крепость, твер-*

² Е. Грушко, Ю. Медведев, *Словарь имен*, Нижний Новгород 1997, с. 281, 33.

³ А. С. Пушкин, *Полн. собр. соч.: В 10 т.*, т. 6, Москва 1957, с. 394-395.

досто́ть, прочно́сть – качества, изначально заложенные в нем личным именем – как будто полностью отсутствуют в юном Гриневе в пору его жизни в родительском доме; его собственная характеристика («Я жил недорослем») вскрывает потенциально возможный низкий полюс его личности, намечая параллель с фонвизинским Митрофанушкой, заявленную еще в эпиграфе. Сопоставление имени главного героя с его изображением способно здесь вызвать лишь иронический эффект.

Не получая как будто бы необходимого воспитания и нравственной закалки, он выглядит инфантильным не по возрасту и воспринимается домашними именно как ребенок. Родители и зовут его снисходительно-ласково – *Петрушей*, как бы обнаруживая тем самым не только свое отношение, но и его собственную внутреннюю сущность. Однако и в «детской» форме имени героя по воле автора сохраняется в неизменном виде его семантическая основа (*Петр-уша*) в отличие от форм *Петя* или *Петенька*. «Взрослая», каноническая форма имени появляется в тексте в первый раз лишь в ситуации проводов: «Батюшка сказал мне: «Прощай, *Петр...*»⁴.

События романа подвергают героя проверке на прочность, а различные ситуации, в которые он попадает, своеобразно «испытывают» его на соответствие имени. В дороге на место службы проявляются полярно противоположные черты его натуры: с одной стороны, мягкость и податливость (позволившие Зурину напоить его допьяна и обыграть), с другой – неуступчивость, строптивость и упрямство (в споре с Савельичем о выплате долга, с ямщиком о надвигающемся буране и, наконец, в знаменитой ситуации с заячьим тулупчиком).

Не упорствуя в своих ошибках, быстро понимая свои промахи, герой без промедления готов признать их и просить прощения, как это не раз происходит в его взаимоотношениях с Савельичем. Однако в ситуациях, где подвергаются испытанию его морально-этические принципы, *твердо́сть и крепо́сть* обнаруживаются и проявляются в нем со всей силой. Так, следуя отцовскому напутствию, он защищает не только свою честь, но и честь своей избранницы, подвергаясь при этом смертельной опасности. Спокойно и твердо ожидает он своей участи, видя на виселице тела других офицеров, и даже на волоске от смерти остается непреклонным, не поддавшись

⁴ Там же, с. 398.

на мольбы и уговоры Савельича «поцеловать у злодея ручку»⁵. И уже в самом конце, оболганный Швабриным, он молчит, не желая получать оправдание путем привлечения к судебному процессу своей любимой, впутывая «имя ее между гнусными наветами злодеев» и приводя «ее самую на очную с ними ставку»⁶.

Процесс трансформации *Петруши* в *Петра Андреевича* остается вне поля зрения автора, читатель, следовательно, может лишь догадываться о причинах, сделавших возможным такое превращение. Имя свое главный герой унаследовал от деда, (что, судя по всему, является семейной традицией, поскольку отец его зовется *Андреем Петровичем*), видимо, получив вместе с именем, так сказать, «генетически», и определенные задатки.

Превращаясь из *Петруши* в *Петра*, а затем в *Петра Андреевича*, герой, тем не менее, сохраняет детскую открытость и искренность в отношении к людям – именно это и спасает его в труднейших ситуациях «русского бунта». Детское начало в структуре образа героя постоянно присутствует не только благодаря включению восприятия и отношения к нему Савельича (который иначе как «дитятей» его и не называет), но своеобразно имплицитруется и его фамилией, образованной от уменьшительно-ласкательной формы имени Григорий. Думается, что не семантика производного имени, а как раз его форма послужила причиной тому, что Пушкин предпочел ее другим, намеченным ранее, вариантам (Башарин, Валуев, Буланин).

С именем *Петруша* связан и «низкий», комический пласт в структуре образа героя. В первую очередь это касается описания его жизни в родительском доме; комично выглядит герой во время знакомства с Зуриным; смешны его стихи, посвященные Маше; все приготовления к дуэли со Швабриным также имеют комический характер. Да и сам герой, в сущности, никто иной как наивный и доверчивый простака, через восприятие которого и изображены события в произведении Пушкина. Именно этот «взгляд простака» заставляет по-новому увидеть грозные исторические события, народное восстание и его предводителя, «крестьянского царя» Емельяна Пугачева.

Роль такого «простака» в русском народном театре всегда играл *Петрушка* – веселый и неунывающий балаганный герой,

⁵ Там же, с. 466.

⁶ Там же, с. 530.

спасающийся из любого, казалось бы, самого трудного и даже по-своему трагического положения, и всегда умеющий и готовый посмеяться над окружающими и самим собой. Разумеется, пушкинское произведение написано в совершенно ином ключе, тем не менее, один из уровней структуры романа экстраполируется на русский фольклор⁷. Благодаря употреблению такой формы имени центральный герой оказывается глубинно соотнесен с образом народного Петрушки, всеобщего любимца, всегда одерживающего победу над темными злыми силами. Народное начало, обнаруживающее себя таким способом, становится тем важным компонентом, который заставляет по-иному воспринимать и весь образ в целом.

Путь героя из родного дома через житейские и исторические бури – это в конечном итоге путь к самому себе, не случайно он и заканчивается обретением родного дома вновь. В *твердости Петра Андреевича Гринёва* обнаруживается не *упрямство гордеца*, а *прочность* внутренней духовной *основы личности*, в которой детски чистое, наивное, открытое и великодушное восприятие мира сопрягается в то же время с удивительной духовной высотой.

Василиса Егоровна. В имени жены коменданта Белогорской крепости обнаруживается несколько различных планов. На первый взгляд значение имени (*Василиса – царица, царственная*)⁸ иронически противоречит ее происхождению, внешнему виду, образу жизни и всему ее поведению. Но на небольшом пространстве Белогорской крепости она действительно занимает самое высокое положение, управляя не только домом, но и всем гарнизонным «хозяйством». Она «царствует», обнаруживая задатки и черты по-настоящему мудрой *правительницы*, умеющей и наградить, и наказать. Питатой из «Недоросля», взятой в качестве эпиграфа («Старинные люди, мой батюшка»), намечаются достаточно ясные ассоциации пушкинской героини с фонвизинской Простаковой, ставшей для русского сознания своеобразным символом ограниченной тиранки. Отсылка, однако, оказывается ложной: жена коменданта Миронова проста не по-простаковски, ее приверженность старине проявляется в непонимании ложной «новой морали» и нежелании ее принять. Именно поэтому, не вдаваясь в детали, она воспринимает любую дуэль

⁷ См: В. Б. Шкловский, *Гамбургский счет*, Ленинград 1928, с. 31; И. П. Смирнов, *От сказки к роману*, [в:] *Труды отдела древнерусской литературы*, т. XXVII, Ленинград 1973.

⁸ Е. Грушко, Ю. Медведев, *Словарь имен*, с. 426.

как «смертоубийство», а сдачу в плен неприятелю как безусловное предательство. Как и «старинным людям», истина представляется героине единственной и неизменной. Так обнаруживается в бесхитростной жене коменданта высокая народная мудрость, имплицитированная ее именем *Василиса*, присущем, как известно, героине русских сказок как раз с таким определением – *Премудрая*. Истинная *мудрость* не может не сочетаться в ней с *прекрасной* душой, ведь в народном сознании эти две категории всегда были неразделимы. Так непритязательное и смешное, «низкое» и комическое обобщается в героине своей противоположностью. «Низкий полюс» ее имени (ориентированный на тип Простаковой) никаким образом не проявляется и характеризует ее именно своим отсутствием, действуя как своеобразный «минус-прием». И если в Простаковой норма искривлена до своей противоположности, то образ *Василисы Егоровны* Мироновой оказывается соотнесенным с идеалом: *премудрое и прекрасное* начала соединились в ней неразрывно.

Простонародность имени героини дополнена и подкреплена ее отчеством (*Егор – народная форма имени Георгий*), в котором также можно различить несколько планов. Земное начало (*Георгий – земледелец*)⁹ в героине проявляется как качество плодородия, материнское благодатное наличие обильной любви и заботы, распространяющееся на всех окружающих. Иной, но не менее высокий, план связан с тем, что в русском сознании имя Георгий неразрывно ассоциируется с образом *Георгия Победоносца* (в русском фольклоре *Егория Храброго*) – воина-мученика, подвиг которого связан с представлениями о мужестве не на поле битвы, а перед лицом палача¹⁰. Невозможно не увидеть в этих ассоциациях отражения трагической гибели и высокой судьбы самой пушкинской героини, душевно *прекрасной* и удивительно *мудрой Василисы Егоровны* Мироновой.

Высокое героическое начало остается во всех *Мироновых* совершенно незаметным в будничной мирной жизни и предельно обнажается в страшных и кризисных ситуациях, когда наступает необходимость сделать четкий и ясный нравственный выбор. Имя, ставшее производной основой их фамилии, имеет два значения (*Мирон: 1 – плачущий; 2 – благоухающий, источающий благовоние*)¹¹, каждое

⁹ Там же, с. 101.

¹⁰ *Мифы народов мира: В 2 т., т. 1*, Москва 1991, с. 273-274.

¹¹ Е. Грушко, Ю. Медведев, *Словарь имен*, с. 239.

из которых по-своему функционирует в тексте: очерчивая судьбу персонажей (1) и выявляя их внутреннее и скрытое до определенной поры нравственное величие (2).

Маша Миронова. Центральной героине, с которой связано и название самого произведения, автор дает имя, одинаково употребительное в любой сословной группе российского общества. Сам Пушкин, как известно, использовал его как в произведениях романтического характера («Бахчисарайский фонтан», «Полтава»), так и реалистического («Метель», «Дубровский»). Романы «Дубровский» и «Капитанская дочка» связаны многочисленными нитями; излишне доказывать, что и центральные женские образы представляют собой различные варианты одного и того же типа, разработку которого Пушкин начал еще образом Татьяны в «Евгении Онегине». В структуре образа главной героини этого произведения важнейшими ориентирами становятся три варианта ее имени, формирующие в целом ядро ее характера. Три формы имени (*Маша – Марья – Мария*) проступают как три ступени образа, его смыслового наполнения, и в каждом варианте скрывается, в свою очередь, свой круг значений, свои смысловые грани.

В образе Маши Мироновой благодаря эпиграфам явственно ощутимо **фольклорное** начало: ее изображение оказывается в своеобразном цитатном «обрамлении» именно из произведений русского устного народного творчества без каких-либо литературных отсылок (как это происходит с другими персонажами). *Маша* – простодушная девочка, не лишенная в то же время некоторой житейской мудрости (может и медведя перехитрить, спасаясь в трудной ситуации). *Марья* – та же, но только повзрослевшая героиня русских народных сказок, искусная мастерица, способная если нужно выдержать любые испытания, поскольку ее определяют твердость духа и сила характера: «трое башмаков железных износит, трое посохов железных изломает, трое колпаков железных изорвет», но найдет и спасет своего милого Финиста – ясна сокола¹².

Уровнем душевной чистоты «мудрая дева» Маша Миронова напоминает и героинь древнерусской литературы, таких как, например, Феврония¹³, совмещающая в себе и фольклорно-сказочный, и христианский идеалы. Пушкинская героиня мудра не благодаря

¹² Народные русские сказки: из сб. А. Н. Афанасьева, Москва 1982, с. 333.

¹³ Повесть о Петре и Февронии Муромских, [в:] Древнерусская литература, Москва 1993, с. 200-212.

развитому интеллекту, а по свойствам натуры, ее «ум» основан на интуиции и высочайшем нравственном благородстве. Низкий же полюс ее имени исчерпывается тем уровнем бытового, будничного существования, в виде которого и представлена в романе Пушкина народная жизнь. Ведь согласно словарю В. И. Даля, именно имя *Марья* обнаруживает способность к переходу в разряд нарицательных, обозначая в народном языке самые различные явления и предметы¹⁴. Называя свою героиню самым употребительным в России личным женским именем, Пушкин усиливает впечатление, придавая ей столь же распространенное отчество, имеющее в то же время чрезвычайно высокий внутренний потенциал (*Иван, каноническая форма Иоанн – дар Бога, милость Божия*)¹⁵.

Третья форма имени героини (*Мария*) – в самом тексте не употребляющаяся, но несомненно существующая как его главный, «канонический» вариант – имеет в христианском сознании безусловный статус самого высокого женского имени, являясь воплощением добродетели, очищенной от каких-либо низких земных проявлений. Идеальное начало *Марии* скрывается в пушкинской героине под простеньким обликом бедной и незнатной дворяночки, невесты-бесприданницы, не получившей должного образования и «приличного» воспитания. Так «внутреннее» (*Мария*) и внешнее (*Маша, Марья*) образуют контрастные величины и сочетаются в структуре образа, как «высокое» и «низкое». Удивительная душевная ясность и цельность характера героини прячется за кажущейся недалекостью и примитивностью, а впечатление отсутствия внутренней глубины возникает именно потому, что ее душа остается незамутненной бурными порывами и мощными сокрушительными страстями. Неяркая внешне, пушкинская героиня обнаруживает безусловное тяготение к верхнему полюсу своего имени, который всегда воплощает в себе, по утверждению П. Флоренского, «чистый индивидуальный луч божественного света, первообраз совершенства, мерцающий в святом данного имени»¹⁶.

Алексей Иванович Швабрин. Фамилия единственного в этом произведении Пушкина «интеллектуального» героя, идейного и сюжетного антагониста главного действующего лица, оказывается по-классицистски «говорящей», являясь ярким и точным отражением его

¹⁴ В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.*, т. 2, с. 300.

¹⁵ Е. Грушко, Ю. Медведев, *Словарь имен*, с. 159.

¹⁶ П. Флоренский, *Свящ. имена*, с. 90-91.

характера и поведения. Она происходит от слова, имеющего кроме основного значения («швабра – род помела»), еще и дополнительное: так в костромской и пензенской губерниях называли, по утверждению В. И. Даля¹⁷, дрянного, презренного, низкого человека. Однако личное имя его составляет своеобразную оппозицию фамилии и находится с ней в явном несоответствии (*Алексей – защитник*). С другой стороны, семантика личного имени иронически противоречит его поступкам: он не только не в состоянии стать чьим-либо защитником, но не способен даже отстоять собственную честь. Таким образом, свойства, обнаруживающие себя в фамилии – «родовом имени» – оказываются более сильными, чем тот высокий потенциал, который был заложен в его личном имени и подкреплен еще более высоким по своему значению отчеством. Сложной взаимосвязью имени – характера – поступков этого героя имплицитно выражена глубинная мысль автора об ответственности любого человека за свою судьбу. Получив имя в начале своего жизненного пути, в дальнейшем человек вынужден постоянно делать свой собственный выбор, обнаруживая тем самым тяготение к высокому или низкому его полюсу:

Имя, – писал Флоренский, – действительно направляет жизнь личности по известному руслу и не дает потоку жизненных процессов протекать где попало. Но в этом русле *сама* личность должна определить свое нравственное содержание¹⁸.

Круг персонажей пушкинского произведения неширок, тем более важно, что среди небольшого количества действующих лиц, казалось бы, неоправданно много *Иванов и Ивановичей*: это Иван Кузьмич Миронов, Иван Игнатьевич, Иван Иванович Зурин, Алексей Иванович Швабрин, Марья Ивановна Миронова и, кроме того, реальное историческое лицо – Емельян Иванович Пугачев. Сюжетная функция *Иванов и Ивановичей*, по-видимому, не исчерпывается той ролью, которую они играют в судьбе главного героя: оказываясь на его пути, каждый из них по-своему «испытывает» его, участвуя тем самым в формировании его характера и жизненных принципов. Более важным является, по-видимому, то общее впечатление, та «картина мира», которая возникает благодаря обилию персонажей с этим именем на небольшом художественном пространстве произведения. Каждый из них как бы являет собой определенный вариант

¹⁷ В. И. Даль, *Словарь...*, т. 4, с. 625.

¹⁸ П. Флоренский, *Свящ. имена*, с. 90.

типа русского человека, «*Ивана*», отмечен принадлежностью к общему национальному целому и по-своему выражает его, поскольку, как отмечает В. И. Даль, «Иван, самое обиходное у нас имя (...) по всей азиатской и турецкой границе нашей от Дуная, Кубани, Урала и до Амура, означает русского»¹⁹. Наличие такого множества *Иванов* и *Ивановичей* во враждебных друг другу сторонах еще ярче обнажает трагизм состояния национального мира, непримиримо разобщенного и расколотого «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным»²⁰.

Имена центральных героев и второстепенных персонажей пушкинского произведения кажутся на первый взгляд житейски обыкновенными, лишенными какой-либо семантической наполненности, выбранными почти случайно, без особой художественной задачи. Однако при внимательном рассмотрении в каждом из героев имя намечает линию судьбы: насколько герой готов соответствовать высокому смыслу своего имени, во многом зависит от него самого. Обладая противоположными полюсами (высоким и низким), имя по-своему «испытывает» героя, обнаруживая его личностную ориентацию, возможности его характера, задатки его натуры. Имя диалогизирует образ, усложняя его структуру: различные уровни, заключенные в имени, выполняют в тексте функцию своеобразной «точки зрения», особого ракурса, благодаря чему выявляются не только особенности характера, натуры или судьбы героя, но и черты авторского видения мира.

S U M M A R Y

Specific functional features of the novel and the structural organization of names: semantic conformability to the heroes and their actions, the manifestation of the national beginning have been analyzed in the article. It is satted that the name dialogues the image showing not only the heroes' features but also the caharcteristics of the author's idea of the world.

¹⁹ В. И. Даль, *Словарь...*, т. 2, с. 5.

²⁰ А. С. Пушкин, *Полн. собр. соч.: В 10 т.*, т. 6, с. 556.